

## **ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

*К 300-летию со дня рождения К.А. Гельвеция*

*А.А. КРОТОВ*

Эпоха Просвещения, заявившая в качестве своего энциклопедического проекта программу преобразования способа мышления современников, выдвинула целый спектр концепций, в разной степени нашедших свое отражение и воплощение в последующей истории. Среди них особое место принадлежит своеобразной интерпретации интеллектуальной культуры, разработанной К.А. Гельвецием. Эта интерпретация, соединившая в себе гносеологический, моральный и политический аспекты, не выглядела для своего времени чем-то самоочевидным, «само собой подразумеваемым». Она, бесспорно, заслуживает внимания и сегодня. Каковы ее основные структурные составляющие? Насколько она может быть признана удачной и пригодной к использованию в наше время? Постараемся ответить на поставленные вопросы.

Клод Адриан Гельвеций (1715–1771) – прославленный моралист, поэт, политический мыслитель, внесший заметный вклад в развитие философии Просвещения. Его концепции человека, воспитания, общественного устройства в первую очередь привлекли внимание современников и последующих комментаторов. На фоне упомянутых концепций фактически в тени оказалась его оригинальная интерпретация интеллектуальной культуры, которая была вплетена в общую ткань системы.

Механизм функционирования культуры Гельвеций выводил из собственного понимания человеческой природы. Он полагал, что все его предшественники изучали разум только в некоторых аспектах, тогда как своей задачей он ставил всестороннее исследование разума. Исходя из представлений о возможности раскрыть закономерности духовной среды столь же точно и убедительно, как и порядок физических явлений, он предполагал использование как в первом, так и во втором случае единого метода. Область нравственных событий может быть осмыслена в том же ключе, что и экспериментальная физика. Необходимо неукоснительно продвигаться от фактов к их причинам. При этом раскрытие истины важно не ради нее самой, а для получения людьми от нее пользы.

Рассматриваемый как способность мыслить, человеческий ум, по Гельвецию, определяется физической чувствительностью. Придерживаясь сенсуализма, он заявлял, что «все в человеке сводится к ощущению»<sup>1</sup>. Внешние тела производят различные впечатления на людей, благодаря наличию у них физической чувствительности. Сохранение впечатлений достигается за счет памяти, выступающей в роли «ослабленного ощущения». При этом способности людей неразрывно связаны с их телесной организацией: если бы у них вместо рук были копыта, то они сбивались бы в стада, не способные создать «ни ремесел, ни жилищ». Все операции ума сводятся к умению производить сравнения ощущений и идей, замечать между ними сходства и различия. Это позволяет устанавливать отношения окружающих предметов друг к другу и к человеку. Способность суждения – не что иное, как способность ощущения. Ложные суждения возникают либо как результат воздействия страстей, либо по причине невежества. Именно страсти – «зародыш» бесчисленных заблуждений, поскольку они концентрируют внимание людей лишь на одной стороне того или иного вопроса, а иногда и вовсе заставляют предполагать несуществующее. Но важно помнить, что они же побуждают человека к активности, следовательно, служат условием движения к истине. Невежество, как правило, человеком не осознается, а потому он впадает в заблуждение, наивно предполагая, будто уже известное ему охватывает все доступное познанию в отношении того или иного предмета. Все люди, по мысли французского философа, обладают «правильным умом», но страсти и невежество отклоняют его в сторону от истины. Страсти Гельвеций рассматривал как порождения физической чувствительности: именно удовольствия и страдания побуждают людей к определенным мыслям и действиям, а потому они по праву должны считаться «единственными рычагами» духовного мира.

Всеми человеческими суждениями, согласно Гельвецию, управляет интерес. Он определяет в той или иной конкретной ситуации поведение как отдельной личности, так и целого народа. Большинство людей мало думают об общем благе, сосредоточившись на собственных выгодах. «Если физический мир подчинен закону движения, то мир духовный не менее подчинен закону интереса»<sup>2</sup>. Знание мотивов человеческого поведения позволило бы легко проследить необходимость в поступках людей. «Именно наши потребности всегда заставляют нас предпочитать одну вещь другой»<sup>3</sup>.

Интерес господствует и в сфере интеллектуальной культуры. Всякий склонен принять ту идею, которая отвечает его страстям,

соответствует сложившимся мнениям, кажется ему полезной. Симпатию вызывают те нравы и взгляды, которые близки нашим собственным. При этом Гельвеций предлагает различать два вида интереса. Один являет собой беспристрастное стремление к истине, вызванное «просвещенной гордостью». Этой благородной страстью движимы некоторые выдающиеся философы и молодые умы, не приверженные к догматизму, еще не закоренившиеся в своих взглядах, готовые их изменить под влиянием фактов и разумных доводов. Другой, менее благородный вид интереса побуждает человека принимать лишь идеи, отвечающие его собственным представлениям и в той или иной степени способствующие поддержанию его завышенной самооценки. Отсюда берет начало инстинктивная ненависть посредственности к таланту, так же как и влечение незаурядных умов друг к другу. Тщеславие заставляет людей придерживаться самого лестного мнения о себе, светский щеголь или мелкий чиновник, не имеющие способностей к наукам и искусствам, будут ставить себя выше самых выдающихся людей, усматривая свое превосходство, к примеру, в лучшем понимании этикета, придворных нравов, в разнообразии своих познаний, в умении здраво судить о многих вещах.

Общаясь с другими, люди, побуждаемые тщеславием и ленью, прежде всего думают о себе, стремятся увидеть в собеседнике свое отражение. При этом лишь немногие располагают должным количеством свободного времени и желанием для получения глубокого образования. Бедные граждане государства всецело сосредоточены на ежедневном труде, не имея досуга для размышлений и исследований. Обеспеченных светских людей отдалают от серьезных рассуждений многообразные развлечения, рассеянный образ жизни. Поэтому интеллектуальный прогресс не может осуществляться слишком быстро, каждая вновь найденная истина поначалу встречает весьма малое число сторонников, главным образом среди тех, кто ее уже «предчувствует», либо среди представителей учащейся молодежи, еще не присоединившейся к какой-либо научной школе.

Занятия науками требуют от людей «углубления ума», сосредоточенного внимания к четко очерченной предметной области, концентрации «в фокусе» всех усилий. Разум нуждается в упражнении и развитии, иначе он «теряет свою силу». Напротив, успех в свете зависит не от глубины, а от «широты» ума, от его направленности на самые незначительные, мелочные, но разнородные явления, от способности «порхать» от одного события к другому.

Для подлинного ученого неприемлемы ни поверхностная универсальность, ни связанный с нею образ жизни. Работая «в молчании и уединении», он способствует прогрессу, отказываясь от попыток, усвоив разного рода пустые идеи, высказывать мнения, приятные в кругу людей, погруженных в вихрь развлечений и интриг. Именно учеными, а не властителями сделаны те открытия, которые улучшили жизнь человеческих обществ.

В области культуры различные идеи могут вызывать одобрение или пренебрежение в зависимости от эпохи и обстоятельств, влияющих на интересы людей.

Литературные произведения приобретают популярность в соответствии с точностью изображения нравов и страстей, присущих представителям разных народов. Романы столетней давности воспринимаются читателями как скучные и пустые, поскольку сами нравы, изображаемые в них, давно уже изменились. Отсюда — изменение жанра романа: современников волнует изображение страстей, добродетелей и недостатков, присущих их времени, так или иначе отражающих их интересы. Вкусы становятся иными, соответственно то, что когда-то казалось изысканным и приятным, способствовало развлечению, перестает интересовать людей. Романы, вызывавшие восхищение читающей публики, по прошествии столетия зачастую устаиваются лишь презрения. Равным образом трагедии, приводившие посетителей театра в восторг «во времена невежества», перестают волновать их, когда меняется дух эпохи. Публику привлекает лишь то, что близко ее идеям и интересам. Например, если жители страны лишены всякой возможности влиять на управление государством, подлинный театральный успех выпадет на долю только тех произведений, которые умело изображают переживания и страсти частных лиц. Общегражданский пафос в таких условиях зрителей не увлечет. Привычка к роскоши, ослабляющая силы людей, заставляет их предпочитать комедии трагедиям. Риторика будет процветать в республиках, ибо помогает достижению высокого положения в обществе. Напротив, при деспотической власти красноречие не пользуется таким почетом, оно не требуется там, где достаточно приказа. В эпоху межконфессиональных войн особую популярность приобретают религиозно-полемические сочинения, быстро теряющие свое значение в мирный период жизни общества. Лишь немногие произведения сохраняют свое постоянное значение и уважение среди образованных людей всех народов: это сочинения, говорящие о человеке вообще,

раскрывающие его природу или же трактующие о сущности окружающих его вещей.

В целом ситуацию в культуре определяет строгая закономерность: вкусы, предпочтения в науках и искусствах меняются всякий раз, когда происходит преобразование формы правления и, соответственно, нравов людей.

Разрозненные замечания Гельвеция о различных учениях позволяют заключить, что им была выработана общая точка зрения на историко-философский процесс. Она незамысловата и схематична. Но все же она важна, поскольку характеризует самосознание просветительской мысли. Гельвеций критически оценивал достижения древней философии. В споре «древних и новых» он предоставлял явное преимущество последним. «Системы древних философов часто отдают детством мира»<sup>4</sup>. В «Записных книжках» он объяснял глубокое уважение, испытываемое многими к древним учениям, большим количеством последователей, незаслуженно создавшим своим кумирам чрезмерно высокую репутацию. Он сравнивал лишенных самостоятельности учеников с многочисленными зеркалами, отражающими одинокие светильники и создающими иллюзию присутствия чего-то необычайно яркого. Если же, полагал он, не обращать внимания на последователей, то свет считающихся великими древних систем быстро померкнет. Тем не менее изучение различных учений прошлого он не считал бесполезным, напротив, знание отличных друг от друга мнений, по его мысли, способствует обнаружению истины. Кроме того, Гельвеций выделял и политический смысл освоения идей минувших эпох: человек, легко ориентирующийся в прошлом, менее склонен к рабскому подчинению мнениям своих современников.

В трактате «Об уме» важной причиной многочисленных заблуждений в сфере метафизики Гельвеций объявлял неправильное употребление слов. Своими предшественниками в этом вопросе он называл Декарта и Локка, не удостоив упоминания Бэкона и Гоббса. К примеру, пустые и туманные споры, по Гельвецию, вызвало в среде философов слово «материя». Выдвигались доводы за и против способности ее к мышлению. Но прежде всего следовало бы определить значение самого слова, и тогда стало бы ясно, что материя как таковая — лишь имя, но не особая сущность, что реальным бытием обладают единичные тела, а для наименования совокупности их свойств как раз и надлежит использовать вызывающее споры понятие. Неверное употребление слов, по мнению французского просветителя, характеризует средневековую мысль,

что ставит под сомнение ее достижения в поисках истины. «Ложной философии предыдущих веков следует главным образом приписать наше грубое невежество в понимании истинного смысла слов; эта философия состояла почти исключительно из искусства злоупотреблять словами. Это искусство, составлявшее всю науку схоластиков, смешивало все идеи»<sup>5</sup>.

Французский мыслитель настаивал на наличии определенных закономерностей в раскрытии истины человечеством. Так, в частности, он считал возможным распространение идей Ньютона лишь в ситуации, когда людьми были покинуты «химеры древних философов». В истории философии он выделял два типа метафизики, сравнивая их с «двумя различными философскими системами – Демокрита и Платона»<sup>6</sup>. По образному выражению Гельвеция, один тип метафизики движется от земли к небу, другой – в обратном порядке. Иначе говоря, один тип метафизики опирается на наблюдения, второй – на неопределенные химеры. Туманная метафизика второго типа, не принося практической пользы, заключается в злоупотреблении словами, оперировании лишними смысла выражениями. Ее «непонятный жаргон» был заимствован у жрецов в Египте Пифагором, усвоен Платоном, а впоследствии был принят представителями схоластики. Гельвеций полагал, что продвигающийся вперед человеческий разум уже нанес серьезные удары системе Платона, «отчасти» развевая ее.

В самых общих чертах французский просветитель высказал свои соображения и о будущем метафизики. Попытки ее построения на априорных основаниях способны лишь умножать заблуждения. Поэтому истинный путь метафизики – размышление, опирающееся на точные, наблюдаемые факты. Согласно Гельвецию, в поисках истины невозможно следовать правилу Декарта и принимать только очевидное, неизбежно приходится признавать и вероятность, опираться на нее, особенно если она очень высока. Образец блестящего применения подлинного метафизического метода, по мнению Гельвеция, дал Локк. «Всякая метафизика, ничуть не опирающаяся на обширную базу фактов, есть ложная метафизика слов»<sup>7</sup>. Таким образом, по Гельвецию, в перспективе метафизика платоновского типа прекратит свое существование, в то время как в среде философов господствующее значение приобретут принципы сенсуализма.

В работе «Об уме» Гельвеций объявлял ложными творениями человека все религии, «кроме нашей», т.е. христианской. В действительности, как свидетельствуют его наброски, опубликован-

ные посмертно, он критически оценивал и христианство. «Было бы легко написать книгу, чтобы доказать, что общество людей, которые поступали бы по Евангелию, не смогло бы существовать»<sup>8</sup>. Ложные религии, на его взгляд, не преследуют общей пользы, они основаны на узких соображениях отдельных лиц, а потому доказывают недостаточное величие и мудрость самих основателей, так же как и глупость их последователей. Религиозное «суеверие вышло из Египта, своей колыбели, устремилось по всему миру во всех направлениях и как бы поглотило истину»<sup>9</sup>. Но религиозные разногласия, разделяющие людей, зависят от тех же причин, что и явления, относящиеся к иным проявлениям интеллектуальной культуры. Теологические диспуты, равно как и проповеди, определяются в своем содержании интересом, имеющимися знаниями и господствующими нравами. Поэтому они выглядят совсем иначе в «века наивного невежества», чем в просвещенную эпоху.

Любая область интеллектуальной культуры соединена с моралью, «в мире все между собой связано», а потому изменение нравов существенно меняет облик наук и искусств.

Согласно Гельвецию, моралисты, считавшие людей злыми, очень мало понимали их природу. В сущности люди вовсе не злы, а просто следуют своим интересам. Подлинная добродетель состоит в умении направить свои поступки к общему благу. Именно общественная польза «есть принцип всех человеческих добродетелей и основание всех законодательств»<sup>10</sup>. Но общее благо должно пониматься по-разному в зависимости от обстоятельств, определяющих положение людей в том или ином государстве в конкретный момент его истории. Зачастую серьезные политические изменения приводят к трансформации интересов населения. Поэтому ошибочно мнение о вечной добродетели, будто бы не зависящей от времени и формы правления. Нет абсолютной добродетели, а если она и может считаться неизменной по своим целям (общее благо), то средства всегда различны.

Уничтожение пороков среди населения, по Гельвецию, возможно только при изменении законодательства. Поэтому улучшение нравов требует реформы законов. Вне связи с политикой этика — «пустая наука». Моралист не вправе уклоняться от обсуждения законов, его прямая обязанность — предлагать наилучшие. При этом следует остерегаться педантов, навязывающих другим ложную идею морального совершенства, которое состоит будто бы в освобождении от страстей. Будучи неотделимы от человеческой природы, страсти лежат в основании как добродетели, так и порока.

Законодатель должен искоренять политические злоупотребления, религиозный фанатизм, суеверия, отжившие обычаи, когда то полезные, но утратившие свое прежнее значение и ставшие гибельными для людей. Государства упрочатся, избавившись от многих бедствий, если их правители начнут руководствоваться приведенными соображениями. Они обязаны осознать, что упорная приверженность к устаревшим принципам разрушает государство.

В «Записных книжках» Гельвеций уподобляет предрассудки недобросовестным служителям монарха, которые, из страха потерять власть, ограничивают подданным доступ к нему. Таким же путем, полагает он, предрассудки затрудняют добродетели дорогу к разуму человека. Истина — результат глубоких размышлений, но она «понижает» под действием предрассудков. На стороне последних всегда выступает их древность, поддерживает их, к тому же истина зачастую столь же тесно переплетается с заблуждением. Кроме того, лень побуждает многих соглашаться с предрассудками, не пытаясь их анализировать. «Рассуждать, для большинства людей, это грешить против природы»<sup>11</sup>.

Предрассудки, согласно автору трактата «Об уме», утрачивают свою опасность для человека в случае, если имеется возможность подвергать их исследованию и опровержению. Тогда они теряют свои позиции и вытесняются из жизни общества. Напротив, «непросвещенный» народ неизбежно оказывается лишенным свободы.

Человек, по мысли французского философа, является продуктом своего воспитания. Счастье народов он напрямую связывает с усовершенствованием науки воспитания и отдает предпочтение общественному воспитанию перед домашним. «Публичное и общественное воспитание очень благоприятно для свободы»<sup>12</sup>. Согласно Гельвецию, никто из людей не получает одинакового воспитания, ибо оно приобретает не только в ходе обучения, осуществляемого учеными наставниками, но и под влиянием формы правления, друзей, прочитанных книг, получаемых ощущений и даже случайных событий. «Вся моя жизнь есть, собственно говоря, лишь одно продолжительное воспитание»<sup>13</sup>. Умственное различие между людьми — результат неодинакового воспитания.

По мнению Гельвеция, мораль еще не получила характера точной науки. Ее прогрессу препятствовали интересы властителей, желавших пользоваться безропотным подчинением подданных, а также действия фанатиков, лицемеров, стремившихся добиться

положения в обществе на основе своей приверженности к распространенным взглядам. Главным средством преобразования нравственности французский философ считал просвещение. Необходимо «разоблачить» поборников деспотизма, с исчезновением невежества будут устранены и многочисленные бедствия общественной жизни. Мораль вовсе не должна опираться на религиозные догматы, законодателю достаточно использовать «мотивы земного интереса», чтобы сформировать добродетельных граждан. Более того, единственная истинная религия, по мнению автора трактата «О человеке» — это мораль, главный принцип которой — забота об общественном благе, обеспечивающем каждому из людей право на жизнь, собственность, свободу.

Добродетельного поведения от людей можно добиться посредством принятия разумных законов. Эти законы должны устранить социальную несправедливость, гарантировать минимум собственности всем гражданам, ликвидировав деление на проживающих в нищете и пресыщенных излишествами. «Именно закон должен защищать равенство. Обратитесь к источнику привилегий, они все основаны на предрассудках или несправедливости»<sup>14</sup>. Законы должны исключать возможность злоупотребления властью и использования ее по личному произволу. «Когда в государстве присутствует сила помимо закона, закон становится менее уважаемым»<sup>15</sup>. Сами законы должны иметь нравственное измерение: «Справедливость или несправедливость закона измеряется большим или меньшим счастьем народа»<sup>16</sup>. Правительства и законодательства предшествующих эпох защищали интересы обладавших богатством и привилегиями. Будущее социальное устройство должно устранить эту несправедливость, реализовав идею политического равенства. Правительство должно содействовать общему счастью граждан таким образом, чтобы интересу каждого отвечало соблюдение установленных законов. Формула, характеризующая оптимальную социальную организацию, довольно проста: «Справедливость есть соответствие действий частных лиц общественному благу»<sup>17</sup>.

Очевидно, что при решении всех интересовавших его философских проблем Гельвеций постоянно обращается к социально-политическому контексту. В этом можно усматривать и силу, и слабость его позиции. Современники революционных событий оценивали теоретические достижения французского просветителя зачастую с противоположных точек зрения. Так, например, французский писатель Жан Франсуа Лагарп (1739–1803) отка-

звал Гельвецию в праве именоваться философом, объявляя его «софистом», стремившимся «материализовать ум» и предпринявшим систематическую атаку на «все основы морали»<sup>18</sup>. С другой стороны, французский поэт и философ Жан Франсуа Сен-Ламбер (1716–1803) заявлял, что Гельвеций «первым создал мораль на непоколебимой основе личного интереса. Он – тот среди философов, кто более всех рассеял эти облака, эти ложные системы, которые скрывают нас от нас самих и дают нам ложные идеи о добродетели»<sup>19</sup>. Исследователи последующих эпох нередко констатировали роль Гельвеция в развитии материализма<sup>20</sup> и связь его наследия с Великой французской революцией<sup>21</sup>. Вместе с тем Альбер Кейм настаивал на том, что политическая значимость учения знаменитого просветителя состоит в утверждении идей справедливости и прогресса, защите «прав всех и каждого». Именно поэтому, на его взгляд, Гельвеций предвидел «главные изменения и основные заботы современного государства»<sup>22</sup>. Эту линию рассуждений продолжает Т.Б. Длугач, вполне справедливо утверждающая, что Гельвеций принадлежит к числу мыслителей, обосновывавших идею суверенной личности. «Гельвеций был во французском Просвещении наиболее сильным и уверенным защитником автономии индивида и его интересов: точка зрения здравого смысла обретает свою реальность именно в этой сфере. И сегодня доводы Гельвеция звучат достаточно убедительно»<sup>23</sup>.

Масштабная попытка описать действие страстей как основание интеллектуальной культуры вряд ли может быть признана сегодня вполне удавшейся. История литературы, философии, религии предстает в концепции теоретика морали интереса лишенной всякой многомерности, достаточно бедно и односторонне отражая реальную картину. Но эта концепция важна как один из этапов развития самосознания культуры, как значимый элемент ее истории. Без обращения к ней будут оставаться неполными представления как об основном содержании системы французского мыслителя, так и о философии Просвещения в целом.

С точки зрения сегодняшнего дня, предложенная Гельвецием трактовка интеллектуальной культуры выглядит довольно схематичной, в известной мере упрощенной, в психологическом ключе обрисовывающей механизмы ее функционирования. Но его рассуждения изобилуют глубокими соображениями о частных явлениях, меткими наблюдениями, и это обстоятельство еще долго будет служить основанием для обращения к различным аспектам его наследия.

## ПРИМЕЧАНИЯ

- <sup>1</sup> Гельвеций К.А. Соч. В 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1973. С. 154.  
<sup>2</sup> Там же. С. 186.  
<sup>3</sup> *Helvétius C.A. Œuvres complètes*. Т. III. – Paris: Lepetit, 1818. P. 289.  
<sup>4</sup> Гельвеций К.А. Соч. Т. 1. С. 119.  
<sup>5</sup> Там же. С. 174.  
<sup>6</sup> Гельвеций К.А. Соч. В 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1974. С. 161.  
<sup>7</sup> *Helvétius C.A. Œuvres complètes*. Т. III. P. 301.  
<sup>8</sup> *Ibid.* P. 286.  
<sup>9</sup> Гельвеций К.А. Соч. Т. 1. С. 95.  
<sup>10</sup> Там же. С. 206.  
<sup>11</sup> *Helvétius C.A. Œuvres complètes*. Т. III. P. 294.  
<sup>12</sup> *Ibid.* P. 317.  
<sup>13</sup> Гельвеций К.А. Соч. Т. 2. С. 19.  
<sup>14</sup> *Helvétius C.A. Œuvres complètes*. Т. III. P. 308.  
<sup>15</sup> *Ibid.* P. 303.  
<sup>16</sup> *Ibid.* P. 306.  
<sup>17</sup> *Ibid.* P. 287.  
<sup>18</sup> *Laharpe J.F. Philosophie de dix-huitième siècle*. Т. 2. – Paris: Les marchands de nouveautés, 1805. P. 3.  
<sup>19</sup> *Saint-Lambert J.F. Essai sur la vie et les ouvrages d'Helvétius // Helvétius C.A. Œuvres complètes*. Т. III. P. 31.  
<sup>20</sup> *Picavet F. Les ideologues*. – Paris: Félix Alcan, 1891. P. 15; *Desné R. La philosophie française au XVIII siècle // Histoire de la philosophie / sous la dir. de F. Châtelet*. Т. IV. – Paris: Hachette, 1999. P. 99; *Bréhier E. Histoire de la philosophie*. – Paris: PUF, 2004. P. 1110; *Кузнецов В.Н. Европейская философия XVIII века*. – М.: Академический проект, 2006. С. 402.  
<sup>21</sup> *Момдзян Х.Н. Французское Просвещение XVIII века*. – М.: Мысль, 1983. С. 289.  
<sup>22</sup> *Keim A. Helvétius, sa vie et son œuvre d'après ses ouvrages, des écrits divers et des documents inédits*. – Paris: Félix Alcan, 1907. P. 699.  
<sup>23</sup> *Длугач Т.Б. Подвиг здравого смысла, или Рождение идеи суверенной личности (Гольбах, Гельвеций, Руссо)*. – М.: Наука, 1995. С. 121 – 122.

## REFERENCES

- Bréhier E. *Histoire de la philosophie*. Paris, PUF, 2004.  
 Desné R. *La philosophie française au XVIII siècle. Histoire de la philosophie. Sous la dir. de F. Châtelet*. Т. IV. Paris, Hachette, 1999.  
 Dlugach T.B. *The feat of common sense, or the Birth of the idea of a sovereign personality (Holbach, Helvétius, Rousseau)*. Moscow, Nauka, 1995 (in Russian).  
 Helvétius C.A. *Œuvres completes*. Paris, Lepetit, 1818. Т. I-III.  
 Helvétius C.A. *Works*. 2 volumes. Moscow, Mysl, 1974 (trans. in Russian).  
 Keim A. *Helvétius, sa vie et son œuvre d'après ses ouvrages, des écrits divers et des documents inédits*. Paris, Félix Alcan, 1907.  
 Kuznetsov V.N. *The European philosophy of the 18 century*. Moscow, Akademicheskii projekt, 2006 (in Russian).

Laharpe J.F. *Philosophie de dix-huitième siècle*. Paris, Les marchands de nouveautés, 1805. Т. 1-2.

Momdgyan Kh.N. *The French Enlightenment of the 18 century*. Moscow, Mysl, 1983 (in Russian).

Picavet F. *Les ideologues*. Paris, Félix Alcan, 1891.

Saint-Lambert J.F. *Essai sur la vie et les ouvrages d'Helvétius. Helvétius C.A. Œuvres complètes*. Paris, Lepetit, 1818. Т. III.

### Аннотация

Статья посвящена анализу выдвинутой К.А. Гельвецием своеобразной интерпретации интеллектуальной культуры. Рассмотрены его идеи о причинах изменений в области литературы, философии, религиозных и моральных представлений. С точки зрения сегодняшнего дня предложенная Гельвецием трактовка интеллектуальной культуры выглядит довольно схематичной, в известной мере упрощенной, в психологическом ключе обрисовывающей механизмы ее функционирования. Но его рассуждения изобилуют глубокими соображениями о частных явлениях, меткими наблюдениями, и это обстоятельство еще долго будет служить основанием для обращения к различным аспектам его наследия.

**Ключевые слова:** Гельвеций, философия Просвещения, философия культуры, философия истории философии, интеллектуальная культура.

### Summary

The article is devoted to the analysis of a peculiar interpretation of the intellectual culture which was put forward by C.A. Helvetius. The author considered his ideas of the causes of changes in the field of literature, philosophy, religious and moral attitudes. From the modern point of view the interpretation of intellectual culture which was proposed by Helvetius is perceived like pretty schematic, to some extent simplified, it psychologically reflects the mechanisms of its functioning. But his arguments abound with deep considerations about particular phenomena, keen observations, and this fact will be the foundation for appeal to different aspects of his heritage for a long time.

**Keywords:** Helvetius, philosophy of the Age of the Enlightenment, philosophy of culture, philosophy of history of philosophy, intellectual culture.